

Я (не) ваша мама

Автор:

Ольга Иконникова

Я (не) ваша мама

Ольга Иконникова

Я вышла за лорда Карлайла, когда мне едва исполнилось восемнадцать. Девочка из бедной и не слишком знатной семьи и один из самых блестящих аристократов Эрландии. Нужно ли говорить, что его родные меня не приняли? И как я ни пыталась подружиться с его детьми от первого брака, у меня ничего не получилось. А сейчас мы остались с ними одни – лорд Карлайл скончался, оставив нам в наследство старую усадьбу, конный завод и кучу долгов. И чтобы выжить, нам придется объединиться. Ведь только вместе мы сможем вырастить лошадь, которая сумеет победить в Больших Анзорских скачках. Скачках, где главный приз вручается самим братом короля!

Ольга Иконникова

Я (не) ваша мама

Пролог

До финишной ленточки оставалось еще два круга, но у меня от непривычного напряжения уже ныло всё тело и кружилась голова. На секунду даже появилась мысль бросить всё, сдаться, сойти с дистанции – жили же мы без этого кубка как-то раньше, – но я быстро ее прогнала. Дело было вовсе не в кубке. Вернее, не только в кубке.

Большие Анзорские скачки каждый год становились событием, приковывавшим внимание всей Эрландии. Сюда, в Анзор, съезжались аристократы со всей страны. Лучшие конные заводы целых двенадцать месяцев готовились именно к этой гонке. Победить в присутствии его величества и получить главный приз из рук его брата было особенно почетно.

При мысли о герцоге Анзорском у меня предательски екнуло сердце. Ну, что за глупости? Я должна выбросить его из головы. Он уже сделал свой выбор и скоро осчастливит своим предложением другую, более достойную этого девушку.

Нет, я сражаюсь сейчас не за кубок, а за то, что к нему прилагается. Тридцать тысяч лорелей! Баснословная сумма! И контракт на поставку лошадей для королевских конюшен. За это стоило побороться.

Я стиснула зубы и еще ниже пригнулась к шее лошади. Давай, давай, моя хорошая, не подведи!

Мы шли в основной группе – на этой стадии гонки было глупо вырваться вперед, хотя пара таких смельчаков уже рискнула. Но их быстро нагнали остальные, а этот безрассудный рывок непременно скажется на их финише. Нет, было еще слишком рано показывать, на что способна моя лошадь.

Жокей барона Джексона (только у него такие ядовито-желтые цвета в одежде) начал свой маневр как раз тогда, когда я задумалась. Он оказался в опасной близости, и я увидела, как сверкнула шпора на его сапоге – лучи металлической звездочки были наточены слишком остро, а ось, на которой эта звездочка держалась, была отклонена во внешнюю сторону – к сопернику. И этим соперником была я.

Использовать шпоры на Анзорских скачках было строжайше запрещено, и жокеев перед заездом досматривали. Должно быть, барон использовал специальную магию, работавшую именно с такими механизмами. Но магия на скачках тоже недопустима! За ее применение – немедленная дисквалификация.

Я послала лошадь чуть влево, стараясь избежать соприкосновения, но тот малец разгадал мой маневр и придвинулся еще ближе. Я почти физически ощутила ту боль, что почувствует моя красавица, если шпора хотя бы вскользь коснется ее бока, и вздрогнула.

Мы как раз проезжали мимо дальних трибун, и взгляд выхватил из толпы самых близких мне людей – Нэйтан, кажется, плакал, а лицо его сестры было белее кружевного платья, которое она выбрала для посещения Анзора. Неужели, волнуется? Хотя, конечно, не за меня. Слишком многое для нашего поместья сейчас стоит на кону.

Нет, я не чувствовала разочарования. Да, дети не приняли меня, не сочли ровней, не полюбили. Но я всё равно буду биться за них, чего бы мне это ни стоило.

Когда серебристая шпора оказалась совсем рядом, я дернула ногой, не давая острым краям звезды коснуться моей лошади. Понадеялась, что кожа сапога выдержит. Но она не выдержала, и от резкой боли у меня помутилось в голове. Я вскрикнула, и тут же над трибуной пронесся голос Шарлотты:

– Осторожней, ... мама!

Мама??? Она впервые назвала меня так, и я сначала подумала, что ослышалась. А потом почувствовала такой восторг, что готова была свернуть горы.

Мерзкий коротышка в желтой одежде попытался повторить свой маневр, но я чуть подстегнула свою лошадь, и его шпора на сей раз коснулась совсем другого коня – того, что шел за нами. Кто-то страшно закричал, я попыталась обернуться и почувствовала, как завязка на кепи лопнула, и я осталась с непокрытой головой.

Тщательно спрятанные ранее под кепи длинные светлые волосы рассыпались по плечам, взвились на ветру. По ипподрому пронесся гул, а лица оказавшихся рядом жокеев изумленно вытянулись.

Это было досадное недоразумение, но что случилось, то случилось. Если я собираюсь выиграть, то эту тайну всё равно пришлось бы раскрыть после финиша.

Я представила, сколько хозяев лошадей, что сейчас участвовали в забеге, бросились читать правила Больших Анзорских скачек, надеясь на то, что смогут меня отстранить. Но мы с моим поверенным уже сделали это раньше. Там нет

запрета на участие женщин – должно быть, потому, что это в принципе казалось невыносимым. Какая женщина могла решиться вступить на исконно мужскую территорию?

Я усмехнулась. Довольно церемоний. Только вперед! Я должна получить этот кубок. И ради себя, и ради детей. Моих детей.

Глава 1 – Это я-то не леди?

– Правильно ли я понял, леди Карлайл, что вы отказываетесь быть опекуном детей вашего покойного супруга? – мистер Дэвис не был удивлен, он всего лишь хотел избежать недопонимания.

Я кивнула. Ни к чему было обманывать ни себя, ни других. Почти два года я пыталась – нет, не заменить им мать (это было просто невозможно), но хотя бы подружиться с ними, – и не продвинулась на этом пути ни на шаг. И если маленький Нэйтан хотя бы не проявлял враждебности, то Шарлотта делала всё, чтобы отравить мою жизнь.

– Ну, что же, – спокойно сказал поверенный, – лорд Карлайл предвидел это. Если позволите, я ознакомлю вас с его завещанием.

Я слушала довольно рассеянно. Я не считала себя вправе претендовать на что-то серьезное из наследства мужа – наш брак был слишком недолгим. И что бы он ни оставил мне, я буду ему благодарна.

Поместье и его главная жемчужина – известный всей Эрландии конный завод, где когда-то выращивали лошадей, достойных королевской конюшни, – отходили Нэйтану как единственному ребенку мужского пола. Шарлотте была определена солидная денежная выплата, которую она могла получить либо по достижении двадцати одного года, либо по выходу замуж – в зависимости от того, какое событие случится раньше.

– Вам же, леди Карлайл, лорд Карлайл предоставил право выбора – денежное содержание в размере пятисот лорелей ежегодно или единовременная выплата

в десять тысяч лорелей, – мистер Дэвис отвлекся от бумаги и поднял взгляд на меня. – Если позволите дать вам совет, то я бы взял разовую выплату, потому что может так случиться, что уже через пару лет у Карлайлов вовсе не останется средств.

Я снова кивнула. Майкл никогда не обременял меня разговорами о финансах, но я давно уже догадалась, что дела у него шли отнюдь не так хорошо, как мне представлялось до нашей свадьбы. Да, я выходила за него по расчету, но он это знал, и его это вполне устраивало.

– Что же касается патентов на использование заклинаний, – перешел поверенный к следующему пункту документа, и я наострила уши, – коих лорду Карлайлу принадлежало пятнадцать штук, то они делятся между вами троими в равных долях. Право первого выбора лорд оставил за вами.

Это было едва ли не самое ценное, что он нам оставил. Патенты были приобретены им еще в то славное время, когда он не испытывал финансовых проблем и мог позволить себе такие дорогие покупки.

Ну, что же, целых пять патентов – это отлично! Нужно будет только подойти к выбору со всей серьезностью. Некоторые из заклинаний не стоили и ломаного ареля.

– Также за вами остаются все драгоценности, что лорд Карлайл вам дарил, за исключением тех, что упомянуты в «Эрландском ревизоре» (те переходят исключительно к тому, кто наследует титул), и, разумеется, все ваши наряды.

Значительную часть нарядов придется продать. Не думаю, что в доме, который я стану снимать, будет большая гардеробная.

– Кто станет опекуном детей? – спросила я.

Не то, чтобы меня сильно волновал этот вопрос, но еще какое-то время, пока я не подыщу себе новое жилье, мне придется пробыть в особняке Карлайлов, а значит, нужно знать, с кем мне придется общаться.

– Мистер Элмерз, муж сестры лорда Карлайла, – ответил поверенный, сверившись с бумагами.

– Вы осуждаете меня за то, что я отказалась от опекуна? – я уже поднялась и пошла к выходу, но остановилась у порога.

– Ну, что вы, леди Карлайл? – он нацепил на лицо подходящую к случаю улыбку – не заискивающую, но достаточно почтительную. – Я бы удивился, если бы вы не отказались. Я вас прекрасно понимаю. Этим детям с детства внушали, что они родились с серебряной ложкой во рту. Высшее общество, что ни говори. Они могут уважительно относиться только к тем, кого считают равней себе. Если бы второй женой их отца снова стала леди...

Я задохнулась от возмущения. Это я-то не леди? Да за кого он меня принимает? Мой отец тоже был дворянином! Да, возможно, матушка, по мнению этих снобов, была слишком проста, но брак с моим отцом позволил и ей подняться на ступеньку выше.

Я бросила на мистера Дэвиса уничижительный взгляд, и он покраснел, поняв, что позволил себе лишнего. Хотя то, что он сказал, было вполне созвучно мыслям детей Майкла – и Нэйтана, и Шарлотта тоже не считали меня леди.

Я сухо кивнула и вышла из кабинета, мстительно подумав о том, что уж мистера-то Элмерза лордом точно не назовешь – не случайно после легкомысленного замужества сестры Майкл прекратил с ней всякое общение. Интересно, что скажут дети о нём? Хотя какая мне разница? Это он теперь будет заниматься их воспитанием, и, думаю, они очень скоро почувствуют это воспитание на себе.

Глава 2 – Особняк Карлайлов и его обитатели

На обратном пути пошел дождь, а поскольку я отправилась к поверенному в открытом экипаже, то промокла насквозь. Со шляпки текла вода, а платье неприлично липло к ногам. И когда я предстала перед нашим дворецким Эвансом в столь неподобающем для настоящей леди виде, в его взгляде отразилось осуждение. Отменная выучка не позволила ему сделать мне

замечания вслух, но мысленно он наверняка его сделал.

– Так на улице дождь, миледи? – его правая бровь чуть приподнялась.

Как будто бы это было непонятно и без моего ответа! Я возмущенно фыркнула и прошествовала в гостиную – это была одна из немногих комнат в доме, где было относительно тепло. Мы уже не могли позволить себе отапливать весь особняк, но я настояла на том, чтобы в холодные дни слуги хотя бы разжигали камин.

На ковре в парадном остались грязно-мокрые следы, но я предпочла сделать вид, что не заметила этого. Здешним коврам уже мало что могло повредить.

– Принесите мне подогретого вина, Эванс! – велела я и отправилась в свою комнату переодеться.

Старшая горничная миссис Пейдж Томпсон принесла мне сухую одежду и помогла снять мокрую.

– Я хотела бы поговорить с вами, леди Карлайл! – судя по тону, с каким она это произнесла, ничего хорошего мне этот разговор не сулил.

– Вы выбрали для этого прекрасное время, миссис Томпсон, – сказала я, пытаюсь натянуть на себя шелковую и ужасно холодную рубашку.

Но она не почувствовала иронии в моих словах.

– Я намерена уволиться, миледи! – заявила она, воинственно подбоченившись и вознамерившись стоять на своем, несмотря на мои уговоры. – При прежней хозяйке здесь всё было по-другому.

О, разумеется! Тогда в подчинении у миссис Томпсон находились не меньше десятка горничных, теперь же их осталось всего двое, да и тех наверняка придется уволить.

Я не была знакома с прежней леди Карлайл, но легко быть отличной хозяйкой большого поместья, когда у твоего мужа есть деньги, и все твои заботы сводятся лишь к тому, чтобы с утра раздать указания многочисленным слугам, а

течение дня тыкать их носом в плохо начищенную дверную ручку или неровно подстриженный кустарник на аллее.

– Вполне вас понимаю и даже одобряю, Пейдж, – кивнула я и с удовлетворением заметила, как удивленно вытянулось ее лицо. – Когда вы хотите получить расчет? Если в ближайшие несколько дней, то я сама смогу дать вам его, а если позднее, то вам придется обратиться к мистеру Элмерзу.

Я набросила поверх платья теплую шаль и, наконец, перестала дрожать.

– С чего бы вдруг к мистеру Элмерзу, миледи? – осторожно спросила Томпсон.

– Ну, как же? – пояснила я. – Именно он будет опекуном Карлайлов, а значит, он и будет принимать решения. Или, возможно, его супруга, которую, кажется, в детстве вы качали на руках. Уж с ней-то вы точно поладите.

Я отправилась назад в гостиную, к жаркому камину и подогретому вину, а старшая горничная семенила следом.

– Значит ли это, миледи, что вы отказались от опекунов над нашими малютками? – запричитала она, когда мы стали спускаться по лестнице.

Я кивнула. Именно это и значит.

– Но как же так? Как такое возможно?

Я остановилась и обернулась к ней.

– А чему вы удивляетесь, Пейдж? По вашему мнению, я неспособна управлять поместьем. Должно быть, это именно так, и я признаю это и передаю право опеки более достойным людям. Миссис Элмерз урожденная Карлайл, уж она-то добьется того, чтобы в поместье всё снова стало как в старые добрые времена. Разве вы не этого желали?

Она охнула, пустила слезу, но я не стала дожидаться ее ответа. Я была намерена окончательно согреться.

Что я и сделала, с комфортом устроившись в кресле перед самым камином. На маленьком столике уже стояла кружка с горячим вином, приправленным фруктами и пряностями, и я с наслаждением взяла ее в руки, чувствуя, как тепло от кончиков пальцев разливается по всему телу. Я сбросила домашние туфли и протянула босые ноги к огню.

Я знала, что миссис Томпсон не станет просить расчет – она привязана к этому дому, как и Эванс. И своим нынешним демаршем она лишь хотела еще раз напомнить мне о моем месте да услышать от меня просьбы остаться. Но она останется с Карлайлами и без моих просьб. Не могу сказать, что я восхищалась подобной преданностью хозяевам, но в нынешней ситуации вполне одобряла ее.

– Настоящая леди не должна позволять другим видеть свои босые ноги! – тоном королевского судьи заявила откуда-то взявшаяся в гостиной Шарлотта Карлайл. – И пить вино до обеда – тоже.

Падчерица смотрела на меня не то, что с укоризной, а с презрением. Высокая и худенькая как тростинка, она казалась слишком взрослой для своих пятнадцати лет. У нее были красивые волосы, выразительные глаза и аристократичный нос, и она вполне могла бы считаться хорошенькой, если бы не холодное, надменное выражение, будто застывшее у нее на лице.

– Вот как? – усмехнулась я. – А если леди промокла и замерзла?

Уголки тонких бледных губ Шарлотты чуть дернулись:

– Леди должна сносить невзгоды невозмутимо и с подобающей стойкостью.

Ну, что же, у нее будет еще много случаев, чтобы попрактиковаться в этом умении.

Вслух я этого, конечно, не сказала – всё-таки она была еще ребенком. Я просто пожала плечами и вернулась к своей кружке.

Глава 3 – Вечерние хлопоты

Когда стало темнеть, я прочитала заклинание, и магические кристаллы в развешенных и расставленных по дому светильниках вспыхнули. Жаль, что у Майкла не было патента на заклинание обогрева – тот стоил куда дороже. Пламя в камине уже потухло, и в комнате стало холодать.

Я пообещала себе, что начну разбираться с заклинаниями прямо на следующее утро – сделать это следовало до приезда мистера и миссис Элмерз – я не хотела, чтобы они совали носы еще и в это. Конечно, они посчитают, что он, учитывая наш недолгий брак, был слишком щедр ко мне, а вот про них, бедняжек, совсем забыл.

За два года замужества я лишь однажды видела сестру Майкла, хотя неоднократно просила мужа познакомить меня с Валери. «Это ни к чему, дорогая, – отмахивался он, – Элмерзы не нашего круга». Как он мог говорить так о своей родной сестре, я не понимала. Не мог же брак, пусть и настолько неразумный, сделать леди изгоем.

А неразумность своего брака наверняка признавала уже и сама Валери. Мистер Элмерз не был ни привлекателен, ни обаятелен, и как он смог понравиться дочери лорда Карлайла, для меня оставалось загадкой. Кажется, он сумел сделать вид, что сказочно богат, а это давало надежду на то, что рано или поздно он сумеет обзавестись и приличным титулом. Но даже это оказалось ложью.

Хотя, должно быть, перед смертью Майкл простил сестру, раз решился доверить опеку ее супругу, которого он прежде, казалось, презирал.

Я потрянула головой, отгоняя эти мысли. Зачем мне думать об Элмерзах? Я почти не знала их и не имела желания узнавать. А вот что мне следовало сделать, так это отобрать те вещи, которые я имею право взять из особняка Карлайлов. И нужно было еще подумать о новом жилище. Если я получу ту выплату, которая определена мне Майклом, то смогу позволить себе купить небольшой домик даже в столице. Хотя хотела ли я уезжать в столицу, я не знала и сама.

Я выросла в провинции, а семь лет, непосредственно предшествовавших моему браку, и вовсе провела почти в лесу – моя бабушка, которая воспитывала меня после смерти родителей, была известной травницей и чуточку ведьмой. Я вспомнила о ней, и на глаза привычно набежали слёзы. Именно бабушка

настояла, чтобы я вышла за Майкла – она не хотела, чтобы, случись что с ней самой, я осталась одна. А лорд Карлайл был блестящей партией, о которой такая девушка, как я, могла только мечтать.

Я прошла в кабинет и с полки стоявшего у окна книжного шкафа достала старинный «Травник Эрландии», в котором были описаны все целебные растения, произрастающие на территории страны. Элмерзам эта книга вряд ли понадобится, а вот мне, вздумай я продолжить бабушкино дело, она может оказаться полезной.

Я поднялась на второй этаж и заглянула в спальню Шарлотты. Девочка еще не спала, но уже лежала в кровати с книгой в руках. Она заметила меня и скривила лицо так, будто проглотила лимон. Я сделала вид, что не заметила этого и пожелала ей спокойной ночи. Она что-то неразборчиво буркнула в ответ.

Я заглянула в соседнюю комнату – там располагалась гувернантка детей мисс Петерсон.

– Не забирайте свечу из комнаты мисс Карлайл, – велела я. – Вы же знаете, она боится засыпать без света.

Мисс Петерсон – высокая худая дама с остроносым лицом – вздумала возразить:

– Но, миледи, это неправильно! Девочка должна рано или поздно к этому привыкнуть. Мистер Карлайл всегда настаивал на том, чтобы я уносила свечу из ее комнаты.

Да, Майкл полагал, что «настоящая леди должна следовать правилам и проявлять мужество даже в мелочах», и даже ночные кошмары дочери не могли заставить его смягчиться. Спальня Шарлотты была едва ли не единственной комнатой в парадной части особняка, где не было магических светильников – чтобы у девочки не возникло желания зажечь их ночью.

Я пыталась убедить его, что это – жестоко. Если Лотте удобно было спать при неярком свете, то почему бы не пойти ей в этом на уступки? Но он в ответ только упрямо мотал головой и снова начинал разговоры о «настоящих леди». На это мне возразить было нечего – я-то, по мнению окружающих, настоящей леди не была и, соответственно, ничего об их привычках не знала.

– Мисс Петерсон, – я постаралась придать голосу всю возможную строгость, – девочке сейчас и без того тяжело из-за смерти отца. Давайте позволим ей хотя бы небольшую слабость.

Гувернантка кивнула, но всем своим видом выразила крайнюю степень неодобрения. Но мне не было до этого никакого дела. Я только подумала о том, что утром же нужно будет поставить в спальню Шарлотты канделябр с магическими кристаллами.

Я заглянула и в комнату Нэйтана – а вот он уже спал, свернувшись клубочком, как котенок. В сердце что-то дрогнуло, и я торопливо закрыла дверь. Как там говорит Шарлотта – настоящая леди не должна показывать своих настоящих чувств? Весьма разумно.

Глава 4 – Элмерзы

Мистер Элмерз предупредил, что они с супругой будут нынче к вечеру, и я велела подготовить для них комнаты. Дети ожидали приезда родственников с большим волнением. Шарлотта несколько раз при мне повторила «как она рада, что увидит тетю Валери» и ради этого даже надела свое лучшее платье. Нэйтан к визиту будущих опекунов относился куда более прохладно – он почти не помнил тетушку и не связывал с ее приездом никаких надежд.

Ужин был готов, как и обычно, к восьми часам, но гости задерживались, и мы не садились за стол. В половине девятого мы услышали за окном ржанье лошадей, и Эванс вышел на крыльцо, а через несколько минут объявил:

– Мистер и миссис Элмерз!

Мистера Элмерза я видела впервые, и он произвел на меня не слишком хорошее впечатление – он был среднего роста, несколько одутловат, а на лице его будто застыло выражение крайнего недовольства, которое не исчезло даже тогда, когда он обратился в нашу сторону.

– Счастливы приветствовать вас, леди Карлайл! – заявил он с видом, мало сочетающимся со словом «счастье».

Он поклонился нам, сочтя, что выполнил все положенные церемонии, и потребовал, чтобы дворецкий проводил его в отведенную ему комнату, нимало не заботясь помочь супруге.

– Тетя Вэл! – Шарлотта бросилась к миссис Элмерз и обняла ее так тепло, как никогда не обнимала меня.

– Да-да, Лотти, я тоже рада тебя видеть! – женщина поцеловала племянницу в щеку и взглядом поискала Нэйтана. – А что же наш малыш стоит в стороне? О, простите, леди Карлайл, я, наверно, должна была прежде обратиться к вам?

Валери, в отличие от супруга, улыбалась широко и открыто, и я охотно улыбнулась ей в ответ. Сестра Майкла была невысокой и стройной, и эту стройность не мог скрыть даже не слишком удачный наряд.

– Мы ужасно устали и так голодны, что готовы съесть всё, что угодно, – она протянула к камину озябшие руки.

Я велела миссис Томпсон подавать ужин, и как только переодевшийся мистер Элмерз вернулся в столовую, мы сели за стол.

– Я полагал, что дети в такое время уже должны спать, – нахмурился Элмерз, бросив неодобрительный взгляд на Шарлотту и Нэйтана. – В их возрасте решительно необходимо соблюдать строгий режим – это способствует хорошему сну и вырабатывает дисциплину.

– О, Чарльз! – Валери положила свою руку на руку мужа. – Уверена, что обычно так и бывает, и сегодня они остались за столом только из-за нашего приезда.

Я едва сдержала усмешку, заметив, как обиженно вытянулось лицо Шарлотты.

– Но мне уже пятнадцать! – возразила она. – И папа разрешал мне ужинать вместе со взрослыми.

Мистер Элмерз неопределенно хмыкнул и посмотрел на жену.

– Я давно говорил тебе, Вэл, что твоему брату не хватало строгости, и именно это привело поместье в такой упадок. Он был чрезмерно беспечен во всём.

Шарлотта уже готова была расплакаться – я видела, как задрожали ее губы. И только нежелание показаться ребенком удержало ее от слёз.

– О, Чарльз, думаю, сейчас не место и не время говорить об этом, – умоляюще протянула Валери. – Прошу тебя, попробуй этот восхитительный паштет. Или, быть может, ты хочешь рыбу?

Она хотела сделать как лучше, но только подлила масла в огонь.

– Не кажется ли вам, леди Карлайл, что этот ужин не слишком соответствует тому положению, в котором вы все оказались? Я полагаю, что более скромная трапеза утолила бы голод ничуть не хуже. Вот, скажем, тушеные овощи – весьма питательная пища.

Он выразительно посмотрел на дворецкого, и тот чуть наклонил голову, показывая, что принял информацию к сведению.

Но мистер Элмерз на этом не успокоился.

– И стоит ли надевать к ужину в кругу семьи столь дорогое платье? – на сей раз его неудовольствие вызвала одежда Шарлотты. – Если на такую ткань посадить пятно, то отстирать ее будет невозможно. К тому же, окажись у нас сейчас гости, они бы осудили барышню за то, что она не надела более темный наряд. Могли пойти разговоры, что мисс Карлайл совсем не тоскует по отцу.

– Но это не так! – выкрикнула девочка.

Но мистер Элмерз не дал ей договорить.

– Мы живем в обществе, юная мисс, – строго сказал он, – и должны соблюдать установленные правила. Я завтра же попечю вашей гувернантке на то, что она не слишком заботится о вашем воспитании. А теперь, я полагаю, и вы, и ваш

брат уже не голодны и можете отправиться спать.

Шарлотта вылетела из-за стола, едва не уронив стул. Нэйтану же хватило выдержки пожелать всем спокойной ночи.

– Я понимаю, леди Карлайл, вы им не мать и не обязаны были прививать им хорошие манеры, – в его тоне я услышала явный упрек, – но будьте уверены, я лично займусь этим вопросом.

– О, Чарльз! – опять воскликнула Валери, бросив на меня извиняющийся взгляд. – Давай хотя бы сегодня не станем говорить о делах! Теперь, когда дети ушли, мы можем позволить себе выпить по бокалу вина.

Ее муж сухо кивнул – то ли он не считал вино излишней роскошью, то ли уже немного подустал от своих речей и готов был сделать передышку. Но довольно быстро осушенный бокал придал ему новых сил.

– Я хотел бы ознакомиться с книгой доходов и расходов. Мистер Дэвис коротко ввел меня в курс дела. Простите, миледи, но буду с вами честен – я полагаю, что когда лорд Карлайл определял вам денежное содержание, он не вполне понимал, насколько плохи дела в его поместье. Продажа патентов на магические заклинания могла бы значительно улучшить ситуацию, и я даже готов найти на них покупателя – но только в том случае, если все они будут проданы разом. Вы же понимаете – среди них есть и те, что совершенно бесполезны.

Я так резко поставила на стол свой бокал, что расплескала вино, и почти с удовольствием заметила, как на белой скатерти расплывается темно-вишневое пятно.

– Я подумаю об этом, мистер Элмерз. А пока, простите, мне что-то захотелось спать.

Миссис Томпсон принесла мне в спальню кружку свежего молока и вздохнула:

– Нет, вы подумайте только, миледи – тушеные овощи!

Я знала, что старшая горничная любила рыбу, и вполне понимала, почему она негодовала. Но я боялась, что смена рациона станет только началом.

Глава 5 – Перемены

С утра я отправилась в ближайший к имению городок Литон, чтобы подыскать себе хотя бы какой-то домик или квартиру, где я смогла бы остановиться до тех пор, пока не определюсь, стоит ли мне ехать в столицу или вернуться в те места, где я была счастлива в юности.

Конечно, Элмерзы отнюдь не прогоняли меня из особняка, но я не сомневалась, что как только бумаги об опекунстве будут подписаны, они начнут смотреть на меня как на нахлебницу. И если Валери хотя бы имела на это право (это был ее дом, где она родилась и выросла), то позволять ее мужу выказывать мне свое пренебрежение я была не намерена.

Я посетила несколько домов, но все они не устроили меня либо по комфорту (в некоторых не было не то, что гардеробной, но даже приличного шкафа, куда поместились бы мои пышные платья), либо по цене (целый лорель в неделю!), и я вернулась в поместье, почти готовая подружиться с Элмерзами.

Нэйтан встретил меня еще у ворот – глаза его были полны слёз, а губы дрожали.

– Лошадок будут продавать.

Мое сердце болезненно сжалось. Я знала, что этот шаг был неизбежным (это Майкл был слишком упрямым, чтобы признать очевидное), но при мысли, что то, во что мой муж и его предки вкладывали все силы и средства, будет продано с молотка, я начинала чувствовать себя виноватой.

– Я знаю, дорогой, – я погладила мальчика по светлой кудрявой головке, но даже в этот момент он не прильнул ко мне, ища ласки.

Он ничего не ждал от меня, он просто хотел поделиться тем, что его тревожило. И он наверняка уже рассказал об этом и Эвансу, и миссис Томпсон.

– Твой папа пытался это предотвратить, но у него не получилось.

– Они продадут Альтаира! – Нэйтан сказал это таким тоном, словно речь шла о продаже Карлайл Холла, а не отдельно взятой лошади.

Хотя я знала, что Альтаир – это не просто конь. Это – скакун, достойный королевских конюшен. Скакун, который был способен выиграть Большие Анзорские скачки.

Я потрянула головой. Думать об этом сейчас было ни к чему. Если бы Майкл не гонялся за химерами, всё могло бы быть по-другому.

Я и ребенку сказала:

– Не думай об этом, Нэй!

Но я знала, что он будет думать. Потому что лошади окружали его с детства. Он не знал другой жизни. Сидеть в седле он научился раньше, чем ходить и говорить.

К обеду подали отварного цыпленка и отварные же бобы. Я не любила ни того, ни другого и съела совсем чуть-чуть, ожидая перемены блюд. Но миссис Томпсон только вздохнула и послала мне понимающий взгляд. Она уже убирала со стола.

Шарлотта тоже осталась голодной. Но, будучи настоящей леди, она, разумеется, ничем не выдала своего недовольства.

– Детям нужно хорошо питаться, – сказала я Валери то, что она должна была бы понимать и сама.

– Чарльз полагает, что нам нужно беречь каждый арель, – она виновато улыбнулась. – К тому же, говорят, бобовая пицца полезна.

– Я слышала, вы хотите продать конезавод, – мы сидели на диване у окна. Валери держала в руках книгу, но не читала.

От моих слов она испуганно встрепенулась, но кивнула:

– Думаю, Рэйчел, вы понимаете, что это необходимо. Нужно попробовать сохранить хотя бы поместье. Уверена, Чарльз постарается сделать для этого всё возможное.

Я не стала ей возражать, хотя мистер Элмерз не внушал мне никакого доверия – я не знала, чего можно было ждать от человека, который не сумел разумно управлять собственными капиталами. Но вряд ли мою золовку интересовало мое мнение о ее супруге.

– Вы не будете возражать, если я еще немного побуду в Карлайл Холле? – я спросила это просто из вежливости и удивилась, когда она немного замешкалась с ответом.

– Да-да, разумеется, Рэйчел, это и ваш дом тоже. Уверена, Чарльз не будет возражать.

Но я видела – она не была в этом уверена.

Глава 6 – Патенты

На следующее утро я всё-таки заставила себя взяться за патенты – я собиралась сделать это еще до приезда Элмерзов, но всякий раз находились какие-то другие дела. То предложение, которое сделал Чарльз – продать все патенты разом – меня совершенно не устраивало. Да, среди тех пятнадцати патентов, что принадлежали Карлайлам, были и достаточно ценные, и совершенно бесполезные, но продавать их сейчас было совершенно неразумно. Пусть это и позволило бы хоть немного поправить финансовое положение семьи, но сильно усложнило бы некоторые бытовые вопросы.

К тому же, патенты придавали их владельцам особый статус, и мне было странно, что мистер Элмерз этого не понимал.

Патентная система была введена в Эрландии в прошлом столетии – до этого маги, которые были способны придумывать заклинания, были вынуждены сами заботиться о сбережении своих секретов. А ради того, чтобы завладеть текстами этих заклинаний, дурные люди порой готовы были пойти на преступления – кражи, пытки и даже убийства. Теперь же охрана магической собственности стала делом государства.

Маг, придумав заклинание, просто патентовал его, платя за это определенную пошлину. А далее уже мог использовать изобретение самостоятельно или продать его Королевской патентной службе, которая уже выставляла патент на применение заклинания на торги.

Учитывая, что магов, способных придумывать новые заклинания, становилось всё меньше и меньше, любое, даже самое простое из них, стоило немалых денег, и продажа патентов на их использование стала весьма весомой статьёй в государственном бюджете Эрландии.

Самые ценные заклинания – вроде тех, которые позволяли перемещаться на большие расстояния с использованием порталов, – стоили баснословных денег и были доступны только королевской семье и наиболее обеспеченным аристократам.

Я на миг задумалась о порталах и мечтательно улыбнулась. Ах, как было бы удобно иметь подобный патент. Я бывала в столице Эрландии лишь однажды – это было наше с Майклом свадебное путешествие – и до сих пор с восторгом вспоминала ее красивые парки и площади. Но до Эмберли было не меньше двух дней пути, и такое путешествие было и недешевым, и утомительным.

Разумеется, при такой стоимости патентов находились желающие использовать заклинания незаконно, и для пресечения подобной практики потребовалось ужесточить Магический кодекс Эрландии – теперь нарушителям грозил не только серьезный штраф, но и несколько лет тюрьмы.

Зато те, кто владел хоть какими-то патентами, уже за одно только это считались людьми солидными и уважаемыми. И потому я не намерена была идти на поводу у Чарльза Элмерза и позволять ему продавать патенты оптом. Нет, разумеется, с оставшимися десятью патентами он может делать всё, что заблагорассудится, но хотя бы пять я имела право сохранить.

Я еще раз пробежала взглядом по списку патентов. Некоторые из них мысленно отбросила сразу. Вот, например, заклинание фейерверков. Да, когда небо расцвечивается множеством ярких вспышек, это красиво, эффектно и позволяет произвести впечатление на маленьких детей и сентиментальных барышень. Но практической пользы от такого заклинания нет никакой, а уж в том положении, в котором мы оказались сейчас, нам и вовсе было не до развлечений.

Несколько патентов были связаны с заклинаниями, применявшимися на конном заводе – они позволяли кормить и поить лошадей, а также поддерживать чистоту в стойлах без особых усилий. Наверняка эти патенты лучше продать вместе с самим заводом – другим покупателям они будут не слишком интересны.

Дольше всего я думала над заклинанием, дававшим возможность работать магическим кристаллам света – оно было одно из самых полезных. Но имела ли я право забирать его у детей? Я представила себе, как этот огромный дом погрузится в полумрак (а при экономности Элмерзов трудно было ожидать, что они станут зажигать по несколько свечей в люстрах и канделябрах), и содрогнулась.

Но с другой стороны – если я не возьму этот патент себе, Чарльз просто продаст его. Я поставила галочку напротив этого заклинания и встряхнула головой, прогоняя совсем не к месту проснувшуюся совесть.

От раздумий меня отвлек шум под окном – Элмерз беседовал с кем-то, чей голос показался мне знакомым. Я невольно прислушалась.

– Вы же понимаете, мистер Элмерз, мне нет никакого резона покупать весь конезавод – мой собственный ничуть не уступает карлайловскому. Да, возможно, я не откажусь от некоторых патентов, которые принадлежали Майклу, но не более того. В первую же очередь меня интересует Альтаир. Я предложил вам за него солидную сумму и, уверяю, больше, чем я, за него вам никто не даст.

Я, наконец, узнала этот голос. Барон Джексон – главный конкурент Майкла в деле разведения лошадей. Во многом именно благодаря его порой не слишком честным действиям Карлайлы и оказались в столь тяжелом финансовом положении. Быстро же мистер Элмерз его нашел. Хотя, скорее, это он нашел мистера Элмерза.

– Но поймите и вы меня, лорд Джексон! – воззвал к гостю Чарльз. – Если я продам вам Альтаира, то кто купит у меня всё остальное?

Барон хмыкнул в ответ:

– Если вы не найдете покупателя на других лошадях, вы сможете продать их на скотобойню. Но не расстраивайтесь, мой дорогой друг, я готов увеличить обозначенную сумму, если к Альтаиру вы добавите несколько патентов, которые меня особо интересуют.

Голоса затихли – должно быть, собеседники, удалились в парк, – а я всё еще не могла прийти в себя. Кого они собираются отправить на скотобойню? Белогривую Снежку? Темную, как ночь, Пантеру? Могучего и верного Норда?

Я впервые засомневалась в своем решении, но постаралась прогнать эти сомнения прочь.

Глава 7 – Планы мистера Элмерза

Дети отправились кататься на лошадях, и мы пили чай только втроем – я и Элмерзы. Барон Джексон не пожелал отведать пищи в нашем доме, и я вполне одобрила это – боюсь, если бы он сел со мной за один стол, я постаралась бы подсыпать в его чашку какую-нибудь гадость, благо всяких травок в моей комнате было предостаточно.

– Простите, я невольно слышала ваш разговор с его милостью, – я не считала нужным делать из этого тайну. – Кажется, барон хочет купить только Альтаира? Поверьте – это неразумно. Если вы пойдете у него на поводу, то лишитесь возможности получить приличные средства за конезавод.

Мистер Элмерз отправил в рот ложку меда, запил чаем и после этого спокойно ответил:

– Если вы слышали наш разговор, миледи, то знаете, какой совет дал мне его милость. Я попытаюсь продать завод целиком – после того, как Альтаир

отправится к барону, – но если не найду на него покупателя, то я не намерен церемониться с этими прожорливыми тварями. Они каждый день съедают корма не меньше, чем на половину лореля.

– Но это породистые лошади! – мне казалось странным, что он не понимает таких элементарных вещей. – Отправлять их на скотобойню – преступление!

Валери беспокойно поерзала на стуле, но не решилась вступить в разговор.

– У вашего покойного супруга, леди Карлайл, не получилось сделать завод прибыльным, даже несмотря на то, что он был докой в этом деле. Я же далек от разведения лошадей и честно признаю это. Я дам объявление в столичных газетах, и если на ваших подопечных найдутся покупатели – тем лучше. Если же нет, то не обессудьте. Чем скорее мы сократим наши расходы, тем проще нам будет вести хозяйство. Думаю, вы уже заметили, что мы с Вэл вплотную занялись кухней – несколько перемен блюд за столом – непозволительная роскошь. Поддерживать былую славу Карлайлам уже не удастся.

Мне показалось, или Валери при этом горестно вздохнула?

– Подумайте хотя бы о детях! Они лишились отца, и если сейчас вы уничтожите дело, которому Майкл посвятил столько лет, то причините им новые страдания.

Элмерз промокнул губы салфеткой и назидательно сказал:

– Об этом следовало позаботиться самому лорду Карлайлу, вам так не кажется, миледи? Он вел себя неразумно, и именно его поступки привели к тому, что столь славное семейство влачит ныне жалкое существование. Впрочем, я понимаю, вам неприятно это слышать, и потому умолкаю. А что касается детей, то, смею вас заверить, им сейчас будет не до того, чтобы думать о каких-то лошадях.

Мне не понравился тон, которым он это сказал, и я посмотрела на него вопросительно.

– Мы с Валери полагаем, что Майкл уделял слишком мало внимания воспитанию Шарлотты и Нэйтана – а ведь им рано или поздно придется выехать в столицу и

быть представленными ко двору. Я беседовал сегодня с мисс Петерсон – она показалась мне весьма здравомыслящей особой, но, боюсь, даже ее усилий будет недостаточно, чтобы привить детям хорошие манеры. К тому же, услуги учителей арифметики, чистописания и иностранных языков обходятся слишком дорого. Куда дешевле будет заплатить за пансион.

– Пансион? – мне показалось, что я ослышалась. – Но Лотте уже пятнадцать. Ей будет трудно привыкнуть к новым порядкам. К тому же, в Литоне нет ни одного пансиона, а отправить ее в пансион, который находится далеко от дома, будет слишком жестоко.

Я подумала о том, что в учебном заведении ей вряд ли выделят отдельную комнату и разрешат спать с ночником. Я не питала большой любви к своей падчерице, но это вовсе не значило, что я желала ей зла.

– А Нэйтан? – продолжила я. – У него слабое здоровье, и он тем более слишком мал, чтобы уезжать из дома столь надолго.

– Ваша забота о них делает вам честь, миледи, – мистер Элмерз чуть наклонил голову. – Но я не сомневаюсь, что перемена места благотворно скажется и на здоровье мальчика. Да, возможно, поначалу ему придется нелегко, но чем быстрее он поймет, что эта мера необходима, тем быстрее он привыкнет.

– Но это поместье – их дом, мистер Элмерз! – воскликнула я. – Нет, я отнюдь не против, если вы поговорите с ними на эту тему и спросите их мнение – если они согласятся поехать в пансион, то так тому и быть.

Чарльз хмыкнул:

– Их возраст еще не позволяет им участвовать в принятии столь важных решений. Для этого и нужен опекун, разве не так, миледи? Не беспокойтесь – мы будем действовать исключительно в их интересах.

Я перевела взгляд на Валери – она натужно улыбнулась. Неужели она привыкла соглашаться с ним во всём?

– Кстати, миледи, если не ошибаюсь, вы ездили в Литон, чтобы снять там жилье? Надеюсь, вы нашли что-то подходящее?

А вот тут Валери покраснела – подобный вопрос супруга даже ей показался слишком прямолинейным.

– Нет-нет, – поспешил исправить он свою бестактность, – мы вовсе не торопим вас с отъездом. Но мы понимаем, что не все наши решения могут прийтись вам по нраву. К тому же, то содержание, что вам оставил Майкл, позволяет вам не ограничивать себя в приятных мелочах, в то время, как мы вынуждены беречь каждый арель.

– Я поняла вас, мистер Элмерз, – я поднялась из-за стола, твердо решив завтра же снова отправиться в Литон и снять там хоть что-нибудь более-менее приличное.

Чарльз тоже приподнялся и буркнул мне вслед:

– Мы с Валери будем признательны, если вы, леди Карлайл найдете время, чтобы заехать к мистеру Дэвису, чтобы подписать бумаги – он их уже подготовил.

Я едва сдержалась, чтобы не хлопнуть дверью.

Глава 8 – Подпись

Я уже почти заснула, когда услышала шум в комнате Шарлотты – кажется, падчерица плакала, и я заставила себя встать с постели.

– Что случилось, мисс Петерсон?

Я увидела гувернантку у дверей спальни Лотты и сразу догадалась, в чём было дело.

– Разве я не сказала вам, чтобы вы оставляли светильник в комнате? У девочки и без того хватает поводов для волнений, чтобы заставлять ее нервничать еще и из-за этого.

В ответном взгляде мисс Петерсон я заметила почти что торжество.

– Но, леди Карлайл, миссис Элмерз полагает, что подобное попустительство совсем ни к чему, – судя по ее тону, она была рада обрести союзницу в этом вопросе. – Мисс Карлайл уже достаточно взрослая, чтобы вести себя как подобает настоящей леди.

Сидевшая на кровати Шарлотта дернулась, но проглотила рыдания. Против подобного аргумента возражений у нее никогда не находилось.

Из темноты, укутанная в теплую шаль, выступила Валери.

– Послушайте, миссис Элмерз, – я с трудом подавила раздражение, – магические светильники не требуют дополнительных затрат на свое содержание. Этих кристаллов хватает на несколько десятков лет. Так почему бы не позволить одному из них гореть в комнате Шарлотты хоть всю ночь?

– О, но дело не только в этом! – как обычно, смутилась Валери.

А я поняла, что и в этом тоже. Если я оставлю им патент на заклинание магического света, то ее предприимчивый супруг мигом продаст и патент, и кристаллы.

– Мы с Чарльзом думаем, что Лотте нужно привыкать к определенным правилам – в пансионе никто не станет считаться с ее привычками и страхами. Другие воспитанницы будут смеяться над ней.

Должно быть, они уже сказали девочке про пансион. Я украдкой посмотрела на Шарлотту, пытаюсь понять, как она восприняла это – та не произнесла ни слова, но слёзы ручьями катились по ее щекам. Конечно, они убедили ее, что все настоящие леди учились в пансионах – кому, как не Валери, это знать.

Наверно, в выражении моего лица появилось что-то воинственное, потому что и миссис Элмерз, и мисс Петерсон предпочли ретироваться, оставив нас с Шарлоттой вдвоем.

– Ты можешь не соглашаться с их решением, Лотта, – было неправильно давать подобный совет, но девочка выглядела такой несчастной, что я не удержалась.

Но Шарлотта лишь покачала головой:

– Тетя Валери говорит, что если я хочу однажды быть представленной ко двору, то мне следует научиться хорошим манерам и завести полезные знакомства.

Я вздохнула. Вряд ли в том пансионе, на который расщедрится мистер Элмерз, будут учиться девушки из очень знатных и богатых семей. Ничуть не сомневаюсь, что это будет самое скромное учебное заведение, какое он только сумеет отыскать. И познакомиться там Лотта сможет разве что с дочерьми мелких чиновников и провинциальных помещиков, которым уж точно не грозит побывать на балу в королевском дворце.

– Ну, что же, как знаешь, – я пожала плечами, вернулась в свою спальню и крепко проспала до самого утра.

Я и прежде не особо любила завтракать за общим столом, предпочитая обойтись поданным в спальню омлетом с беконом. Теперь же совместные трапезы и вовсе потеряли всякий смысл. Поэтому перед тем, как отправиться в Литон, я попросила миссис Томпсон принести овсянку мне в комнату. Да, на завтрак сейчас подавали исключительно овсянку.

– Барон Джексон опять приехал ни свет, ни заря, – старшая горничная поджала губы. Прежде барона в нашем поместье не привечали. – А миссис Элмерз вчера вечером объявила, что из всего штата прислуги они намерены оставить только пятерых – горничную, дворецкого, лакея, кучера и садовника. Не понимаю, как они при этом собираются поддерживать в поместье порядок.

Если она думала, что я разделю ее возмущение, то напрасно. Былое великолепие в Карлайл Холл уже вряд ли когда-то вернется. Это следовало признать и принять. Мне было жаль молоденьких горничных и лакеев, которым будет трудно найти другую работу в округе, но в этом вопросе Элмерзов я как раз

могла понять – если не сократить расходы прямо сейчас, то поместье придется продать.

– Миссис Элмерз сильно переменялась с тех пор, как она уехала из этого дома, – миссис Томпсон издала тяжкий вздох. – Раньше она не считала каждый арель и по любому вопросу имела собственное мнение.

Ей тоже не нравился мистер Элмерз. Любому здравомыслящему человеку было бы трудно понять, что Валери могла найти в этом не блестящем ни красотой, ни умом, да к тому же весьма жадном человеке. Возможно, она любила его (хотя я не заметила ничего, что свидетельствовало бы об этом светлом чувстве), но скорее ей просто невыносимо было даже самой себе признаться в том, что, выйдя замуж за Чарльза наперекор своим родным, она совершила ошибку.

Майкл рассказывал, что мистер Элмерз приезжал тогда в поместье по какому-то делу. В то время он был богат, а Карлайлы уже испытывали финансовые затруднения. Он сумел пленить молоденькую Валери дорогими подарками и обещаниями исполнить любой ее каприз.

Но тут я не могла ее судить. Я сама вышла замуж за Майкла, руководствуясь лишь практическими мотивами. Да, он нравился мне, но к подлинной любви это не имело никакого отношения. Впрочем, думаю, его чувства ко мне были не более пылкими, чем мои к нему – так что в этом нам не стоило друг на друга обижаться. Лорд Карлайл слишком любил лошадей, чтобы в его сердце осталось место для любви к кому бы то ни было еще – даже к собственным детям.

Я велела заложить экипаж. Я не собиралась навязывать Элмерзам свое общество. Мне следовало посетить мистера Дэвиса, подписать те бумаги, что он подготовил, и, получив причитающиеся мне деньги, возможно, не оставаться в Литоне, а отправиться прямо в столицу.

Я ожидала экипаж у крыльца. От конюшни донеслось ржание Альтаира (его невозможно было спутать ни с каким другим!) – барон как раз осматривал жеребца, и мистер Элмерз, разумеется, крутился рядом.

Мой взгляд случайно поднялся к окну гостиной, и я увидела Шарлотту, прижавшуюся к стеклу. Она меня не заметила – она плакала, глядя в сторону конюшни.

Подошел экипаж, и уже через час я была в конторе мистера Дэвиса. Поверенный снова зачитал мне перечень того, что мне причиталось, и внес в документ список тех пяти патентов, которые я решила оставить за собой (да-да, среди них был и тот, что касался световых кристаллов!)

– Вам надлежит расписаться вот здесь, миледи, – крючковатый палец мистера Дэвиса указал мне нужное место.

Когда я взялась за перо, моя рука невольно дрогнула, и с металлического кончика сорвалась капля, через мгновение превратившаяся на бумаге в жирную кляксу.

– Не извольте беспокоиться, леди Карлайл, – улыбнулся поверенный, – мой клерк сейчас всё перепишет.

Я откинулась на спинку кресла, пытаюсь унять нервную дрожь в руках. Но на сердце у меня тоже было беспокойно.

Глава 9 – Перепалка

Всю обратную дорогу до Карлайл Холла меня терзали сомнения. Я не была уверена в правильности выбранного решения и под мерный стук колес пыталась договориться сама с собой. Но не договорилась и, прибыв домой, постаралась незамеченной прошмыгнуть в свою комнату. Но даже это мне не удалось.

– Рэйчел, вы не составите мне компанию за обедом?

Я вздрогнула, услышав голос Валери. Миссис Элмерз стояла у дверей столовой – плечи ее, как обычно, были опущены, а голос звучал робко, почти заискивающе.

– Чарльз до сих пор на конюшне, а я не люблю есть одна.

– А где же дети? – я удивилась, что из столовой не доносились их голоса.

Миссис Элмерз покачала головой:

– Мы с Чарльзом полагаем, что им лучше обедать в детской. В пансионе никто не станет считаться с их капризами, и лучше будет, если они поймут это еще до отъезда.

Мне совсем не хотелось есть – в Литоне я сытно пообедала в кафе на Ратушной площади, – но упустить шанс поговорить с Валери без присутствия ее супруга я не захотела.

К столу подали несколько тоненьких кусков бекона и тарелку отварных бобов – прежде так не питались даже наши слуги. Впрочем, в еде я с детства не была привередой и без особых возражений положила себе и того, и другого.

– Возможно, мой вопрос покажется вам неуместным, но неужели вы не понимаете, что ваш муж поступает дурно – и по отношению к детям, и по отношению к вам самой? – я посмотрела на нее почти с любопытством. – Это поместье – ваш родной дом! И это дом Шарлотты и Нэйтана!

Миссис Элмерз с большим упорством поглощала пищу – то ли давая себе время продумать ответ, то ли вовсе решив не отвечать мне. Но вот она отложила вилку и нож и подняла на меня глаза. Я не увидела в ее взгляде враждебности, но и приязни в нем не было тоже.

– Этот дом давно уже не мой, – она сказала это с затаенной обидой. – Да, пока это и дом Шарлотты. Но рано или поздно она выйдет замуж, и ей придется его покинуть. Это дом Нэйтана, но он еще слишком мал, чтобы принимать решения по управлению хозяйством.

– Но однажды он вырастет, – усмехнулась я, – и потребует с вас отчет за каждый потраченный вами лорель.

Она поморщилась:

– Поверьте, мы с Чарльзом заботимся исключительно об интересах Шарлотты и Нэйтана. В отличие от вас, Рэйчел, я являюсь их кровной родственницей и лучше понимаю, что пойдет им во благо.

Наш разговор прервал шум из комнаты Нэйтана – кажется, дети ссорились, – и мы с Валери поспешили туда.

– Что тут происходит? – повысила голос миссис Элмерз. – Немедленно прекратите шуметь!

Мальчик сидел на диване, а его сестра стояла возле окна. Позы обоих были напряженными, а лица бледными.

– Она сказала, что в нашем поместье скоро не останется ни одной лошади! – шмыгнул носом Нэйтан. – Но ведь это неправда? Мистер Элмерз говорил, что продадут только Альтаира. Но даже его не следует продавать! Ведь скачки – через несколько месяцев. Папа был уверен, что мы возьмем там главный приз.

– О, дорогой, – Валери погладила его по голове, но не сочла необходимым что-либо скрывать, – мне очень жаль, но Шарлотта права – нам придется продать всех скаковых лошадей. Но поверь – твой отец не стал бы с этим спорить.

– Нет! – Нэйтан уже почти кричал. – Он никогда бы так не поступил!

Мое сердце разрывалось от жалости, и я села рядом, обняла мальчика, а он уткнулся мне в плечо и разрыдался.

– Не обманывай себя, дорогой, – не отступала миссис Элмерз. – Лошади Карлайлов не выигрывали Большие Анзорские скачки уже много десятков лет, и даже ваш хваленый Альтаир не сможет соперничать с лучшими лошадьми королевства. Лишь упрямство мешало твоему отцу это признать.

– Не смейте так говорить о папе! – побледнела Шарлотта. – Он никогда не стал бы нам врать.

– Не забывайся, Лотта! – холодно откликнулась Валери. – Мы любили Майкла не меньше, чем ты. И я, и Рэйчел...

Но девочка не дала ей договорить. Должно быть, напряжение этих дней сказалось на ее поведении, но обычно воспитанная и сдержанная Шарлотта на сей раз будто с цепи сорвалась.

– Вы никогда не любили его! Ни ты, тетя Вэл, ни эта..., – она не посчитала нужным даже назвать меня по имени. – Вы только пользовались его деньгами.

Она гневно сжала кулачки, а на щеках ее появились красные пятна.

– Это уже слишком, Шарлотта! – нахмурилась миссис Элмерз. – Ты не имеешь никакого права так говорить! Я не сторонница наказаний, но в данном случае вынуждена их применить. Ближайшую неделю ты проведешь не в своей комнате, а в комнате младших горничных (их увольняют завтра, и она окажется свободной).

Это было суровое наказание, учитывая, что девочка боялась темноты, а в комнате прислуги не было даже окна.

– О, Лотти! – испугался за сестру Нэйтан. Он по-прежнему не отпускал мою руку, а я крепко обнимала его. – Прошу тебя, извинись перед Рэйчел и тетей Вэл, и я уверен, они разрешат тебе остаться.

Шарлотта бросила в его сторону презрительный взгляд, осуждая разом и за жалость к себе, которую наверняка посчитала оскорбительной, и за близость ко мне.

– И не подумаю! – выкрикнула она. – Это только ты готов продаться за кусок хлеба. Да-да, продаться! И предать память отца и мамы! Ах, если бы мама была жива! Всё, всё могло бы быть по-другому!

– Лотти! – мальчик уже заикался от рыданий. – Лотти!

Но сестра не готова была проявить снисхождение. Наоборот, предпочла добить его хлестким:

– Это ты виноват, что она умерла! Если бы не ты...

Он охнул, задрожал, а Шарлотта выбежала из комнаты. Следом за ней вышла и Валери.

Мне стоило немалых трудов успокоить Нэйтана. Я долго убеждала его, что сестра сказала это сгоряча, будучи расстроенной скорой учебой в пансионе, и что на самом деле она не думает ничего подобного.

Он смог заснуть только после того, как миссис Томпсон напоила его теплым молоком, в которое добавила несколько успокоительных капель.

Когда я вернулась в столовую, Валери еще была там.

– Надеюсь, теперь вы понимаете меня, Рэйчел. Эти дети избалованы и нуждаются в строгой дисциплине. Вряд ли мы с Чарльзом годимся на роль воспитателей. Пансион научит их вести себя так, как подобает Карлайлам.

Я хотела возразить, но дверь распахнулась, впуская в комнату мистера Элмерза и барона Джексона – оба выглядели весьма довольными.

Я напряглась и приготовилась к схватке.

Глава 10 – Решение

– Леди Карлайл! – барон учтиво поклонился и вслед за мистером Элмерзом прошествовал к столу.

Я с трудом сдержала усмешку – вряд ли его милость оценит бекон с бобами. Впрочем, я не собиралась позволять ему насладиться даже подобной малостью.

Мистер Элмерз вызвал миссис Томпсон и велел ей принести бутылку вина и головку сыра (ну, надо же, какая щедрость!)

– Я знаю, что неприятен вам, миледи, – скрипучим голосом произнес барон, – но всё же я намерен еще некоторое время злоупотреблять вашим гостеприимством. Мы заключили с мистером Элмерзом славную сделку, а еще замерзли как собаки, так что имеем полное право согреть себя несколькими каплями бодрящего напитка.

Он сидел, развалившись на стуле, а Чарльз услужливо пододвигал к нему блюда со скромными яствами.

– Сделку? – переспросила я. – Но известно ли вам, ваша милость, что мистер Элмерз пока не уполномочен заключать никакие сделки в отношении того, что находится в Карлайл Холле?

Он небрежно взмахнул рукой и залпом осушил бокал. Крякнул от удовольствия (Майкл всегда закупал отличное вино), а потом с сомнением посмотрел на тонкий ломтик бекона.

– Ох, миледи, вы же понимаете, что это – всего лишь формальность. Насколько я знаю, вы сегодня ездили в Литон к мистеру Дэвису, чтобы поставить подпись в отказе от опекуна. А это значит, что уже завтра мистер и миссис Элмерз станут официальными опекунами детей и до их совершеннолетия смогут заключать от их имени любые сделки. Да, сегодня я еще не могу забрать Альтаира, но сделаю это завтра же после обеда. Между прочим, я готов предложить хорошую сделку и вам. Я не знаю, какие патенты на заклинания вы решили оставить себе, но я готов выкупить их по хорошей цене. Чтобы с комфортом устроиться на новом месте (неважно, где – в Литоне или в Эмберли) вам, дорогая леди, потребуются деньги. Да, я понимаю, что вы можете захотеть продать патенты в столице, но вы еще очень молоды и не искушены в подобных делах – любой мошенник легко обманет вас. Так стоит ли рисковать?

– Спасибо за предложение, ваша милость, но я никогда не простила бы себе, если бы заключила сделку с человеком, который ненавидел моего покойного мужа и своими действиями причинил Карлайлам много вреда, – я начала говорить спокойно, но с каждым словом мой голос звучал всё громче и громче.

Валери с беспокойством посмотрела на мужа, и тот попытался сгладить то впечатление, что могла произвести на барона моя речь.

– Стоит ли вспоминать прошлое, леди Карлайл? – он расплылся в широкой, но неискренней улыбке. – Между деловыми людьми время от времени случаются недоразумения. Но это – дела мужчин, и женщины не должны ими интересоваться.

Его супруга согласно кивнула и обратилась ко мне:

– Думаю, Рэйчел, нам следует оставить мужчин – уверена, им о многом еще нужно договориться. А что касается ненависти... Я уверена, что вы ошибаетесь, и если между его милостью и Майклом были когда-то разногласия, то они легко объясняются обычным соперничеством между владельцами конных заводов, каждый из которых стремится выиграть главный приз. К тому же, сейчас это уже неважно.

Но в этом она ошибалась. Это было важно. Сейчас уже не для Майкла, а для меня. Бесчестный человек останется бесчестным, сколько ты ни пытайся его обелить.

Я сказала это и вслух:

– Нет, Валери, простите, но я не намерена позволять барону Джексону оставаться в этом доме. И никакой сделки не будет. Мы не продаем Альтаира.

Мистер Элмерз побледнел, а барон рассмеялся:

– Боюсь, миледи, вы не вполне понимаете, что у вас уже нет полномочий распоряжаться в Карлайл Холле. Впрочем, вы, думаю, и не успели привыкнуть к этому поместью. Сколько вы были здесь хозяйкой? Года полтора или даже меньше?

Я поднялась из-за стола, вынуждая и мужчин сделать то же самое. Барон, будучи аристократом, сделал это мгновенно и произвольно, а вот мистер Элмерз приподнялся нехотя, словно досадуя на подобные церемонии.

– Нет, ваша милость, боюсь, это вы и мистер Элмерз неправильно понимаете ситуацию. Да, я ездила сегодня к мистеру Дэвису – но не для того, чтобы отказаться от опекуна, а чтобы вступить в права опекуна.

Стоявшая с подносом у стола миссис Томпсон охнула, но уже через секунду я различила в ее взгляде плохо скрытое торжество. Ну, что же, хоть кого-то эта новость обрадовала.

– Но это невозможно! – воскликнул мистер Элмерз. Его лицо было уже блее воротника его накрахмаленной рубашки. – Мы с Валери приехали в Карлайл Холл

с другого конца Эрландии! Мы понесли большие расходы!

– Не беспокойтесь об этом. Составьте мне список этих расходов, и я их оплачу, добавив некоторую сумму за причиненные неудобства. У меня не было намерения вводить вас в заблуждение. Решение об опекунстве я переменяла лишь сегодня, и мне искренне жаль, что вы зря проделали такой путь.

– Мы подадим протест! – выкрикнул мистер Элмерз. – Я прямо сейчас отправлюсь к мистеру Дэвису! Он должен объяснить мне, как такое могло произойти.

Я пожала плечами:

– Как вам будет угодно.

Я знала, что в этом случае закон на моей стороне. Преимущественное право на опекунство Майкл предоставил именно мне. Элмерзы могли стать опекунами только в случае моего отказа.

Взбешенный Чарльз выбежал из столовой, совершенно позабыв про своего многоуважаемого гостя. Барон отвесил мне поклон:

– Не смею больше злоупотреблять вашим вниманием, миледи. Но я всё-таки советовал бы вам подумать над моим предложением. Мне всё равно, с кем подписывать договор – с Элмерзом или с вами. Поверьте – это щедрое предложение. Вам, как никому другому в Карлайле, известно, что конезавод приносит одни убытки. Вашему супругу давно следовало его продать. Я покупаю Альтаира вовсе не для того, чтобы он выиграл Большие Анзорские скачки под седлом моего жокея. Это утопия. Он не способен их выиграть ни при каком раскладе. Но из него может получиться хороший производитель.

Я кашлянула, давая понять, что довольно уже слушала его, и он, еще раз поклонившись, удалился.

– Вы совершили ошибку, Рэйчел! – кажется, Валери обрела голос, только когда мы оставались вдвоем. – Вы не родственница Шарлотте и Нэйтану. Они не любят вас и никогда не полюбят. Так зачем вам подобная обуза? Прошу вас – взвесьте всё еще раз хорошенько. Принимая на себя такие обязательства, вы, по сути,

потеряете возможность снова выйти замуж. Так стоит ли заботиться о чужих детях в ущерб своим интересам? Конный завод вам все равно придется продать – в противном случае он утянет на дно всё поместье. Но даже это не даст вам нужной суммы для содержания Карлайл Холла. Вам придется экономить на всём, в то время как став свободной, вы сможете позволить себе обзавестись собственным домом в столице. Вы очень скоро пожалеете о принятом решении.

Я ответила негромко, но твёрдо:

– Благодарю вас за заботу, Валери. Но позвольте мне всё-таки совершить эту ошибку.

Я не заметила, что мистер Элмерз вернулся в столовую, и вздрогнула, когда он повторил слова жены:

– Да-да, вы пожалеете! – взгляд его был полон гнева.

– Возможно, – не стала спорить я, – но сейчас менять свое решение я не намерена. Более того, вступив в права опекуна, я уже позаботилась о том, к кому перейдет право опеки в случае, если со мной что-то случится – это будет мой кузен, человек в высшей степени степенный и благоразумный. Он – священник и пользуется большим уважением в своем приходе.

Я посчитала нужным обозначить им это сразу – чтобы Чарльз понял, что стать опекуном Шарлотты и Нэйтана у него не получится ни при каких обстоятельствах. Не то, чтобы я думала, что мистер Элмерз способен пойти на преступление, но от человека подобного толка можно было ожидать чего угодно.

Он скрипнул зубами и бросил Валери:

– Мы едем в Литон! Немедленно!

Они вышли, и уже через несколько минут я услышала, как ко крыльцу подъехал экипаж. Бедный мистер Дэвис – представляю, что ему придется от них выслушать. Хотя он изначально был к этому готов, о чём и заявил после того, как искренне поздравил меня с верным, по его мнению, решением.

Глава 11 – Конюший

Свои расходы Элмерзы завысили как минимум вдвое – и на наем дилижанса, и на пошив одежды (как будто для Карлайл Холла им требовались особые наряды!), и на консультацию с правоведом в столице. Но я не стала спорить и немедленно выписала чек.

Если меня и терзали угрызения совести за то, что своим поступком я причинила им серьезные неудобства, то эти угрызения исчезли после того, как мистер Элмерз, перебрав с вином, высказал мне всё, что он думал и обо мне, и о Майкле, и о детях. А Валери еще поддакнула ему, заявив, что ей жаль Шарлотту, которая при таком опекуне, несомненно, не сможет стать настоящей леди.

Они тогда как раз вернулись из Литона, и, кажется, разговор с мистером Дэвисом вышел совсем не таким, как они рассчитывали.

После всего сказанного не стоило и думать о поддержании хотя бы видимости дружеских отношений, и когда на следующее утро Элмерзы отбыли из Карлайл Холла, я не сочла нужным заверять их в том, что мы всегда будем рады их видеть. Они не постеснялись прихватить несколько старинных (хоть и не очень дорогих) вещичек из кабинета, а я сделала вид, что не заметила этого – в конце концов, Майкл был братом Валери, и если она хотела оставить что-то себе на память о нём, то так тому и быть.

Дети восприняли отъезд Элмерзов по-разному: Нэйтан с абсолютным равнодушием, а вот Шарлотта – с легкой грустью – она отчаянно скучала по отцу, и, возможно, тетя Вэл была той ниточкой, что связывала ее с Карлайлами и тем мифическим «высшим обществом», о котором Валери так часто говорила, но в которое и сама уже теперь вхожа не была.

Как только Элмерзы уехали, я особенно ясно осознала, какая ответственность легла на мои плечи. Я никогда не была белоручкой и не нуждалась в особой роскоши, но при этом я мало что понимала в хозяйственных делах и никогда не пыталась вникать в то, чем занимался Майкл. Впрочем, как раз у него я мало чему могла бы научиться – он сам был слишком небрежен в вопросах управления поместьем и полагал, что «всё должно идти само собой».

Начать я решила с нашего конного завода – когда-то он был одним из крупнейших в Эрландии, теперь же от бывшего величия остались только Альтаир да еще несколько племенных лошадок. Упадок начался гораздо раньше, чем Карлайл Холл перешел к Майклу, но мой покойный муж не сделал ничего, чтобы выправить ситуацию. Он, как и его отец и дед, полагал, что с наших конюшен должны выходить только те лошади, что достойны участия в престижных скачках, и отказывался признавать то, что сейчас куда больший спрос был на простых рабочих лошадей. Тяжеловозы требовались и для поместий аристократов, и для крестьянских хозяйств.

Однажды я пробовала завести с Майклом об этом разговор. Он оскорбился до глубины души. Тяжеловозы в Карлайл Холле? Как можно было даже думать об этом? Да, стойла в конюшнях пустуют, но это временно, а вот когда мы выиграем главный приз в Анзоре...

Никто не смог бы убедить его в том, что подобные надежды были слишком призрачными. Он был уверен, что Альтаир победит.

– Вы полагаете это возможно, мистер Грант? – я погладила золотистую морду жеребца и перевела взгляд на нашего конюшего.

Грант был бывшим жокеем, и даже достигнув средних лет, сумел сохранить свою фигуру поджарой. Невысокий рост и внешняя щуплость вполне компенсировались стальным характером, и никто из конюхов и жокеев и слова бы не решился сказать ему поперек.

– Всё возможно, миледи, – осторожно ответил он. – Не попробуем – не узнаем.

Я не стала напоминать ему о том, что уже на этапе подачи заявки на участие в Больших Анзорских скачках требовалось заплатить немаленький взнос – он знал это и сам.

– Но если мы хотим победить, – продолжил он, – то на ближайшей ярмарке нужно закупить особые травы.

Я кивнула, хотя плохо представляла, где мы найдем деньги на это. Должно быть, придется продать кое-что из драгоценностей. Вот только стоит ли это того? Не

лучше ли не ловить журавля, а удовольствоваться синицей?

– У барона Джексона есть как минимум две лошади не хуже Альтаира, – уловил мое настроение Грант. – А еще есть славные конюшни с Бэрстоне и в Карисе – о тамошних претендентах я не знаю вообще ничего.

Да, мы давно уже не бывали на крупных скачках и совсем не знали конкурентов. Майкл считал недостойным размениваться на что-то меньшее, чем Большой Анзорский кубок.

– Нам нужно купить несколько племенных тяжеловозов, – я не спрашивала, я констатировала, одним своим тоном отвергая возможные возражения Гранта.

Он покачал головой, будучи не в восторге от моего предложения, но возражать не стал – это был один из немногих доступных нам более-менее надежных способов заработка.

На том и порешили, и я вернулась в дом, чуть приободренная и искренне порадовалась тому, что на обед миссис Томпсон не подала отварных овощей.

Глава 12 – Удел простолюдинов

Первых тяжеловозов бретонской породы привезли в поместье через неделю. Грант отправил за мной конюха, и я пришла на конюшню как раз тогда, когда наши новые питомцы настороженно изучали загон, в который их поместили.

Животные – один жеребец и пять кобыл – были рослыми и мускулистыми. Широкие лбы, большие уши, высоко посаженные хвосты. Жеребец был чалым, с белыми отметинами, а кобылы гнедыми и рыжими. Несмотря на внешнюю рыхлость и неуклюжесть, в них угадывались скрытые резвость и мощь. Будто подтверждая это, жеребец взбрыкнул при приближении конюха и шустрой иноходью понесся вдоль изгороди.

– Хорошие кони, – признал Грант.

Мою идею о разведении тяжеловозов он воспринял с сомнением. Он привык работать с изящными тонконогими лошадьми, в которых с первого взгляда угадывалась порода. Их уделом были скачки, охота и таскание роскошных карет с не менее роскошными хозяевами.

Эти же работяги предназначались совсем для другого, и я понимала, что нашему конюшему стоит немалых трудов усмирить свою гордость. Сначала он вовсе заявил мне, что потребует расчет – вот только дождется, пока мы продадим Альтаира. Но потом включился в поиск лучшего поставщика тяжеловозов и уже сам подсказывал мне, на что стоит обратить особое внимание. Теперь я уже почти не сомневалась, что Грант останется работать в поместье – пусть даже и с лошадьми совсем другого толка.

Наши скакуны тоже поглядывали на новичков с удивлением – будто не понимали, как могут те так ловко бегать на своих толстых ногах, даже копыта которых были скрыты шерстью.

– Если не возражаете, миледи, ими будет заниматься Питерс, – сказал конюший.

Я кивнула. Ему пока необходимо было сделать вид, что к этим тяжеловозам сам он не имеет никакого отношения. Но я знала, что вся конюшня находится под его чутким контролем, и он не оставит без внимания и этих не самых благородных животных.

Новости из конюшни быстро дошли до особняка, и когда я вернулась в дом, меня уже встречала разгневанная Шарлотта.

– Как вы могли решиться на такое? Позволить этим тварям находиться в конюшне рядом с чистопородными скакунами – значит, оскорбить память папы! Он никогда не допустил бы такого! Он понимал, что конюшни Карлайла – это вывеска, которая известна всей Эрландии!

Я сбросила запылившийся плащ и кивнула:

– Именно так, Шарлотта, – это всего лишь вывеска. И если мы сейчас не попытаемся хоть что-то предпринять, то скоро за этой вывеской не окажется уже ничего. В Эрландии слишком много конюшен, в которых разводят благородных лошадей, и слишком мало тех, в которых выращивают таких вот

рабочих лошадок. А лорели и арели, которыми с нами будут расплачиваться крестьяне и торговцы, ничуть не хуже тех, что мы получили бы от лордов.

Ноздри девушки гневно раздувались – совсем как у норовистой лошади, которую я недавно пыталась погладить. Это сравнение так позабавило меня, что я не сдержала улыбки.

Это обидело Шарлотту еще больше.

– Вы не видите разницы, потому что сами такая же, как они – беспородная!

Она выкрикнула это мне прямо в лицо, но я даже не поморщилась. Подобные высказывания падчерицы давно уже не обижали меня. Я знала, что она обо мне думала, и не собиралась протестовать – какой смысл?

– Если ты сказала всё, что хотела, то давайте обедать. Прошу тебя, позови Нэйтана к столу.

Мне кажется, моя невозмутимость раздражала ее куда больше, чем раздражали бы мои возражения. Она топнула ножкой.

– Я вовсе не голодна! А если вам нужен Нэйтан, то извольте сходить за ним сами. Хотя настоящая леди догадалась бы послать горничную.

Интересно, что она станет делать, если мы будем вынуждены уволить всех горничных? Сумеет ли одеться сама, уложить свои волосы? А если мы останемся без кухарки? Нет, об этом я предпочитала не думать.

А вот оставлять без внимания ее вражду с младшим братом я была не намерена.

– Надеюсь, ты помирилась с Нэйтаном? Попросила у него прощения за то, что была с ним груба?

Ее зеленые глаза метали молнии.

– Я всего лишь сказала правду, – процедила она с неприятно поразившей меня злостью. – Это он виноват в смерти мамы.

Я привыкла к ее нападкам в мой адрес, но странную неприязнь, направленную на родного для нее человека, понять не могла.

Майкл говорил, что она безумно любила свою мать и долго не могла оправиться после того, как та умерла при родах. Для маленькой девочки это стало трагедией, и всю вину за эту потерю она возложила на брата.

Обычно ей хватало воспитания, чтобы держать эти чувства при себе, но иногда она срывалась, и эти вспышки изматывали и Майкла, и Нэйтана, и ее саму.

– Ты уже слишком взрослая для того, чтобы говорить это всерьез, Шарлотта, – я укоризненно покачала головой. – Матери тогда лишилась не только ты, но и Нэйтан. Но ты хотя бы знала ее – ты помнишь ее лицо, ее голос. Она качала тебя на руках и пела тебе колыбельные. Ты помнишь тепло ее рук – то тепло, которого был вовсе лишен твой маленький брат.

На миг мне показалось, что Шарлотта задумалась. Но так ли это было на самом деле, я не поняла, потому что уже в следующее мгновение девушка выкрикнула:

– Не смейте говорить о моей матери! Вы не имеете права упоминать ее имя! Она была лучше вас! Она была настоящей!

Она развернулась так резко, что подол ее платья взметнулся вверх, обнажив тонкие ноги в стоптанных ботинках, и бросилась по лестнице, не давая мне возможности ответить.

Впрочем, я и не собиралась ничего отвечать. Никакие мои слова не смогли бы сейчас ее переубедить.

Глава 13 – Легенда о лошади

Мы обедали с Нэйтаном вдвоем. Я позволила ему отказаться от запеченной рыбы и съесть два куска пирога с корицей и яблоками. Он ел неторопливо, как и подобало джентльмену, но я видела, какую радость это ему доставляло. Нужно

будет сказать Пейдж, чтобы она почаще подавала к столу именно этот пирог.

– Рэйчел, ты ведь не сердишься на Лотти, правда? – он быстро, боясь, что я замечу и стану его ругать, облизал перепачканные сахарной пудрой губы. – Я уверен, она не хотела тебя обидеть.

Бедняжка, он думал не о себе, а о сестре – сестре, которая совсем не щадила его чувств. Он единственный в семье называл ее Лотти, остальные предпочитали менее ласковое «Лотта», а Майкл и вовсе всегда использовал ее полное имя.

– Я не сержусь, дорогой, – я постаралась улыбнуться как можно более широко. – Я рада, что ты тоже на нее не обижаешься. Мы оба знаем, что она тебя любит – просто она еще не оправилась от смерти вашего отца.

Но мальчик в ответ грустно покачал головой:

– Нет, Рэйчел, она меня не любит. Она любила мамушку и папу. А меня она просто терпит рядом. И она права – это я виноват в смерти мамушки – ведь она умерла, потому что я родился.

Сейчас он казался гораздо старше своих лет. И для своего настоящего возраста он был слишком серьезен. Его просто не научили быть ребенком. Майкл всегда относился к детям несколько свысока – он больше заботился о том, чтобы привить им подходящие манеры, чем о том, чтобы они были счастливы. А чаще он вовсе их не замечал.

– Нет, Нэй! – мне стало дурно от его мыслей. – Ты не должен так думать! Твоя мама и папа очень хотели, чтобы ты появился на свет. А то, что это стоило жизни твоей маме, не твоя вина. Да, к сожалению, так иногда случается – что женщины умирают, давая жизнь своим малышам, но в этом виноваты вовсе не эти крошки, а слабое здоровье, ошибка врача или отсутствие медицинской помощи. Если бы твой отец вовремя позвал доктора...

Мальчик слушал меня очень внимательно, но договорить мне не дал возглас Шарлотты:

– Не смейте обвинять в этом папу!

Я перевела взгляд с Нэйтана на Лотту и спокойно сказала:

– Я его не обвиняю. Просто так сложились обстоятельства, что его не было дома, когда у вашей мамы начались схватки. Для повитухи случай оказался слишком сложным. А вот если бы Майкл успел съездить за врачом, то всё могло закончиться по-другому. Так что если тебе непременно хочется кого-то в этом обвинить, то спроси себя, почему в столь важный момент твоего отца не было дома? А если ты не знаешь ответа на этот вопрос, то я подскажу – он, как обычно, был тогда в лесу – гонялся за призраком, которого никогда не существовало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.me/ru/ikonnikova_ol-ga/ya-ne-vasha-mama

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)